

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2

УДК 30(075.4), ББК 6/8(2Рос-6Яма)

© Маркин В.В., Силин А.Н.

Циркумполярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала)

Валерий Васильевич

МАРКИН

доктор социологических наук

Институт социологии РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

markin@isras.ru

Анатолий Николаевич

СИЛИН

доктор социологических наук

Тюменский индустриальный университет

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38

sm-2004@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы социально-пространственной трансформации северной территории, связанные с освоением одного из важнейших перспективных нефтегазовых арктических регионов России. Показаны возможности их решения с опорой на междисциплинарные и социологические исследования, которые были проведены авторами и их коллегами, в том числе массовые опросы населения Ямало-Ненецкого автономного округа по репрезентативным выборкам в 2005, 2010 и 2015 годах и социологическую диагностику их результатов в разрезе разных социальных групп респондентов (старожилы, в т.ч. представители коренных малочис-

Для цитирования: Маркин, В.В. Циркумполярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) / В.В. Маркин, А.Н. Силин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6. – С. 28-52. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.2

For citation: Markin V.V., Silin A.N. Circumpolar Region amid Socio-Spatial Transformation of a Territory (Case Study of Yamal). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 28-52. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.2

ленных народов, новоселы, вахтовый персонал). Эти исследования позволили выявить присущие Арктическому региону особенности социальных проблем и требования к научному сопровождению возможных вариантов их решения. В дискурсе рассмотрения теоретико-методологических и практических проблем авторы, в частности, предоставляют властным структурам такую информацию, необходимую для подготовки и принятия эффективных управленческих решений, которую невозможно получить иным способом, например с помощью статистики. Этот тезис иллюстрируется ситуацией, сложившейся с коренными малочисленными народами Севера, другими группами населения, развитием социального потенциала Ямала, укреплением и пополнением квалифицированных кадров. Изучение северной специфики качества жизни населения циркумполярного нефтегазового региона России, условий жизнедеятельности и взаимоотношений различных социальных групп участников дальнейшего, неиндустриального освоения этой территории приводит к выводам о необходимости значительного усиления социологического и междисциплинарного научного сопровождения намечаемых арктических проектов, предложения нового методологического подхода к выбору наиболее актуальной тематики исследований.

Ключевые слова: Арктика, освоение территории, циркумполярный регион, социально-пространственные трансформации, социальные проблемы, социологические исследования, социальные группы, здоровье северян, вахтовый метод.

1. Введение

Арктический макрорегион, вместе с прилегающим к нему морским шельфом, превышает треть территории Российской Федерации. Именно здесь, при доле населения страны около 1%, производится продукция, превышающая 60% объема валютных поступлений от экспорта.

У властных структур России интерес к Арктике, начиная с XVI–XVIII веков, периодически возникает, достигает своего какого-то апогея и постепенно затухает. Своеобразным индикатором ситуации становится создание либо ликвидация в правительстве специальных ведомств по Северу, принятие нормативно-правовых актов с не всегда «просчитанным» социальным эффектом, что впоследствии приводит к необходимости их многократных поправок и изменений.

В обширной литературе, посвященной Арктике, в том числе ее российской части, социальная (социологическая) проблема-

тика явно недооценивается. Также оказалась малоизученной проблема соотношения социально-пространственной и социально-территориальной идентификации арктических (циркумполярных) регионов. Эти аспекты часто смешиваются или рассматриваются в отрыве друг от друга, без необходимого учета их взаимного влияния, что требует усиления междисциплинарного подхода.

Российские циркумполярные регионы, составляя важную часть Российского Севера, входят в мировую Арктическую зону и представляют собой важные объекты межгосударственных программ по устойчивому развитию [9]. Причем, расположенные как в европейской, так и азиатской частях, российские циркумполярные территории наиболее заселены и освоены. По оценке специалистов, численность населения российской части составляет более половины жителей всей мировой Арктической зоны [20].

Более того, учитывая природно-сырьевые ресурсы и логистические перспективы, авторитетные исследователи полагают, что со временем вокруг Северного Ледовитого океана сформируется, подобно Средиземноморской, мировая кооперация с общими чертами экономического поведения [24, с. 15-54].

В российском контексте проблемы арктических регионов нашли свое отражение в ряде фундаментальных исследований Российской академии наук [20; 24; 27; 29; 31].

Следует заметить, что понятия «Крайний Север», «Арктика» и «Субарктика», «Циркумпольный регион», по сути дела, представляют собой группу концепций с различной пространственной локализацией в зависимости от цели социально-экономических исследований либо предмета нормативно-правового регулирования, а вовсе не территории с четкими границами. Для удобства статического учета Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) был отнесен к Арктике, а Ханты-Мансийский (ХМАО) – Субарктике. Наши исследования проводились на территориях обоих округов, входящих в сложнопостроенный субъект Российской Федерации – Тюменскую область. Основное внимание все же уделено Ямалу, по столице которого, г. Салехарду, проходит Полярный круг, а территория округа по праву считается циркумпольной.

Ямал является одним из важнейших регионов, которые имеют самые значительные перспективы как во внутрисельском, так и в международном планах. На его территории образован Ямало-Ненецкий автономный округ, сложно входящий в Тюменскую область. Столь уникальное социально-территориальное образование заслуживает специального

рассмотрения в вышеуказанном дискурсе идентификации. Ключевой задачей при этом выступает выявление основных контуров социально-пространственной трансформации территории Ямала, изучение регионального сообщества, строящего свою жизнедеятельность на данной территории. Для исследования этой трансформации особое значение имеют контуры социальной освоенности и обустроенности (обжитости) территории, ее социализации: от первичного освоения до современного состояния и обозначения дальнейших перспектив.

В динамике социальной трансформации Ямала можно выделить четыре волны:

1. Первичное (из известных нам) освоение, которое произошло в результате перемещения сюда и узколокального поселения здесь народов, ныне называемых коренными малочисленными народами Севера.

В силу особенностей основных занятий этих народов – охоты, рыболовства, оленеводства, различных промыслов и т. п., связанных с необходимостью постоянных перемещений на огромной территории, это первичное освоение можно назвать «маршрутно-точечным».

2. «Фронтальное» освоение, когда с XVI века Ямал стал рубежной территорией Российского государства и на этой территории возникла сеть военно-охранных поселений с «обжитием» прилегающих ареалов.

3. «Колонизация» (XVIII–XX века) – масштабное государственное освоение новой территории путем переселения туда населения метрополии и вовлечения в хозяйственный оборот местных экосистем, распространение материальной и духовной культуры того или иного народа в инокультурном ареале.

4. «Мобилизационное освоение», которое началось в 60-х гг. прошлого века и продолжается по настоящее время. Оно связано с экстенсивным освоением нефтегазовых ресурсов территории. Отличительной особенностью его является урбанизация территории.

Вблизи месторождений были созданы десятки поселений, включая и крупные города; часть из них возникла на территориях, отнесенных согласно медико-биологическому районированию, к непригодным для постоянного проживания пришлого населения. Период эффективного существования таких монопоселений был приурочен к исчерпанию рентабельных запасов (достижению критического уровня себестоимости добычи). Все годы активно обсуждалась проблема потенциально «мертвых городов». Между тем, крупные города, созданные в Приполярной зоне (Надым, Новый Уренгой), продолжают развиваться, наращивая «элитное» строительство и привлекая новых поселенцев.

В 60–80-е годы прошлого столетия особое внимание к циркумполярному региону было вызвано необходимостью форсированного формирования нефтегазового кластера на севере Тюменской области. Для этого были использованы особые меры мобилизации всех ресурсов страны, помимо обычных управленческих структур был создан специальный отдел в Госплане СССР [19].

В постсоветский период (90-е – начало 2000 годов) было признано, что Север стоит слишком дорого, финансирование в этот регион было резко сокращено, инфраструктура, кроме районов нефтегазодобычи, оказалась разрушенной, на треть сократилось количество обитаемых поселений и, в результате миграционного оттока, численность населения [27].

Процесс «демобилизации» освоения циркумполярного региона прекратился лишь в последнее десятилетие в связи с новым подъемом внимания к Арктике, вызванным в основном геополитическими причинами. Вместе с тем начаты новые инвестиционные проекты неиндустриального характера. Из них наиболее крупные – это освоение месторождений полуостровов Гыданский и Ямал, акваторий Обской и Тазовской губ, Карского моря, баженовской толщи, ачимовских отложений Уренгойского региона, Уватской группы и др. Начато строительство завода по производству сжиженного природного газа мощностью 16,5 млн. тонн в год на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения с последующим расширением мощности до 32 млн. тонн в год на полуострове Гыданский. Ведутся работы по созданию морского порта и аэропорта в п. Сабетта, называемых «воротами Арктики» и т.д. [6, с. 58–66].

Принятые в отношении России санкционные меры несколько притормозили эти проекты, но необходимость их реализации сомнений не вызывает.

Освоение и обжитие Арктического региона актуализирует необходимость решения большого числа чрезвычайно сложных экономических, социальных, политических, инженерных и других проблем, требуют серьезного научного сопровождения. Необходимы междисциплинарные фундаментальные и прикладные исследования арктических проблем. Значимое место среди них должны занять и социологические исследования, позволяющие, с одной стороны, выявить и оценить все взаимосвязи и последствия уже обозначившихся и еще латентных проблем, с другой – возможные альтернативные пути и технологии их решения, их системную оценку при разных сценариях развития региона.

Хозяйственное освоение Арктического региона для принятия современных эффективных управленческих решений требует и владения знаниями о реальной социальной ситуации на территории, где предполагаются или уже ведутся работы. К сожалению, статистика не всегда может предоставить своевременную достоверную информацию по значительной части необходимых параметров. Требуется их замеры с использованием социологического инструментария. При этом необходимо учитывать и то, что нефтегазовые компании в значительно большей степени, чем государство, определяющие стратегию развития Арктического региона, не только не ориентированы в социально-гуманистическом векторе развития этой территории, но и весьма ограниченно проявляют здесь свою социальную ответственность. Кроме того, на Севере выявлена особая в сравнении с другими регионами неразвитость и слабое влияние институтов гражданского общества [23].

Вместе с тем в последние годы заметно возрос интерес к Арктике со стороны высших эшелонов российской власти. Принята «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и национальной безопасности на период до 2020 года», создана Государственная комиссия по развитию Арктики. При этом главной целью государственной политики России в сфере научного обеспечения освоения Арктики сегодня признано обоснование современных основ управления арктическими территориями, включая решение задач обороны и безопасности, надежного функционирования систем жизнеобеспечения и производственной деятельности в условиях циркумполярного региона [25]. Для успешного решения последней задачи Российской академией наук начата разработка комплексной программы соци-

ально-экономического развития региона, учитывающей особенности отдельных территорий, поселений, промышленных объектов и коммуникаций для улучшения качества жизни живущих здесь людей.

Предполагается, что Арктика в перспективе должна превратиться в стратегический инновационный плацдарм, где будут разрабатываться и транслироваться в другие регионы новые эффективные технологии, в т.ч. социальные [14].

2. Методология и методы

Исследование трансформации российского общества в региональном плане предполагает дискурс социально-пространственного и социально-территориального аспектов, поскольку любой выделяемый по определенным признакам регион выступает не только как социально-территориальное, привязанное к географическому пространству, но и как социально-пространственное образование [26].

В духе методологии П. Бурдьё, социально-пространственная идентификация может быть определена как выявление, измерение и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп, выступающих в качестве акторов (агентов) – носителей практик тех или иных видов деятельности, осуществляемых на различных социальных полях, как структурированных пространствах позиций [5].

В этом определении выделяются: объектная сторона – поля, где социальное пространство структурируется в институциональном порядке областей экономики, политики и т. п., образуются соответствующие социально-экономические, социально-политические и другие отношения акторов (агентов), строятся их действия; субъектная – реальные позиции, занимаемые акторами на данном поле;

субъективная — представления акторов о своих позициях, в том числе об отношении к ним с возможной привязкой по месту и времени.

Выявляемые социально-пространственные идентичности (которые можно концентрированно представить в качестве контурных социальных моделей) дают некий образ — аналог индивидуального или группового актора-агента в его гражданской принадлежности (государство), институциональном маркере (власть, бизнес, гражданское общество, возраст, гендер, этничность, конфессиональность и т. п.), действующего в определенном векторе — азимуте (Север, Юг, Восток, Запад с промежуточными медианами), имеющего свое отрефлексированное положение в данном поле (Центр (Ядро) — периферия (полупериферия), цивилизационно-ценностные ориентации и проекции взаимоотношений с другими акторами.

Для социально-пространственной идентичности актора также важна рефлексия по позициям: «город — село» (внутри «большой — малый город»); «столица — провинция» (близкая к идентификации «центр — периферия», но не совпадающая с ней) и некоторые другие, переходящие в социально-территориальную идентификацию в региональном плане.

В отличие от социально-пространственной, социально-территориальная идентификация предполагает выявление и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп как носителей различных практик жизнедеятельности в качестве жителей (групп жителей) конкретного территориального образования, населенного пункта и (или) его части, их социально-территориальные общности (сообщества), а также органы власти, бизнес-структуры, институты граждан-

ского общества, представленные в данных территориальных образованиях, позиции и диспозиции которых складываются по поводу использования территории, ее природного, социально-экономического и социального, в том числе человеческого потенциалов.

При этом, в отличие от социально-пространственной идентичности, где достаточно много условностей по поводу позиций и диспозиций (как верифицируются и маркируются институты, векторы-азимуты, место актора, ценностные ориентации и т.д.), в социально-территориальной идентичности однозначно определяется принадлежность к общности жителей конкретного поселения (города, села, поселка, при необходимости поселенческо-расселенческого образования (района, агломерации и т.п.), региона (области, края и т.п.) и оценки удовлетворенности своей жизнью на этой территории, то есть происходит территориальная локализация социально-пространственной идентичности по месту (по топосу). При этом идентификационная характеристика акторов территориальных социальных полей также может содержать необходимые гендерные, поколенческо-возрастные, профессионально-отраслевые, этнические, конфессиональные и другие признаки, используемые при определении социально-пространственной идентичности.

В отличие от многозначного понимания термина «регион» в зарубежной (европейской) литературе, где он больше означает собирательный образ управляемой территории (от латинского *regere* — управлять) как некоего гомогенного пространства, имеющего физико-географическую, культурную и языковую близость, а также общность хозяйственных структур и исторической судьбы («Европейская

хартия регионализма»), – в российской науке и политико-управленческой практике сложилась достаточно однозначная трактовка этого понятия, привязанного к субъекту Российской Федерации. В этой привязке регион имеет конституционный статус с определенными предметами ведения (в том числе – совместного ведения с Российской Федерацией в целом (статья 72 Конституции РФ) и исключительными на своей территории), административные границы, состав населенных пунктов, законодательные и исполнительные органы власти. В основаниях региона: географическое положение, учет специфики исторических, экономических, национально-этнических (особенно в отношении республик и автономных округов), социокультурных и других факторов. Таким образом, регион представляет собой достаточно обособленную составную часть социального пространства России, в которой на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющих природно-климатических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют институциональные акторы практически всех основных социальных полей и масштабов (от глобальных, международных до местнолокальных).

Этот узел взаимодействия служит своеобразным трансформатором социально-пространственного регулирования на определенной территории всех цепей социальных процессов от глобальных и общенационально-государственных до местных (поселенческих) с более или менее выраженной обратной связью. Поэтому социологическое изучение этого узла должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в особенностях своей социальной конфигурации

(конкретные условия, факторы, механизмы организации жизнедеятельности данного территориального сообщества, институциональных акторов социальных полей территории), то есть социально-пространственную дифференциацию по территориальному основанию (признаку), так и включенность данного регионального узла в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию), то есть социально-пространственную интеграцию, главным вектором которой является консолидация региональных и местных сообществ, институциональных акторов территориальных полей в общем пространстве России [26].

Властные структуры и различные фонды, являющиеся заказчиками научных исследований, получают многочисленные предложения, основанные на интересе заявителей. Но как оценить значимость того или иного исследовательского проекта для достижения цели эффективного социально-экономического освоения Арктического региона?

Очевидно, необходимо вначале выявить совокупность проблем, с которыми практически сталкиваются участники освоения, оценить их с системных позиций, выявить взаимосвязи, альтернативные пути решения и их возможные последствия. Имея некий контур проблем, можно проводить и детальные междисциплинарные исследования его элементов.

Для проведения этой работы нами был реализован традиционный социологический инструментарий: массовые опросы северян, глубинные интервью экспертов, контент-анализ СМИ, включая социальные сети, проведение фокус-групп и др. [8].

Опросы и другие исследования проводились студентами и преподавателями Тюменского государственного нефтегазо-

вого университета (ныне Тюменский индустриальный университет), сотрудниками Западносибирского филиала Института социологии РАН, финансировались дочерней компанией Газпрома «Газпром добыча Ямбург», грантами Губернатора Тюменской области и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Привлекались также материалы других ведущих социологических центров.

Методический инструментарий разрабатывался авторами и при небольших корректировках в основном сохранялся, что позволяло анализировать динамику проходивших изменений.

Формирование выборки для массового опроса основывалось на территориальных и социальных критериях отбора единиц наблюдения и состояло из двух этапов. Вначале осуществлялся отбор населенных пунктов, исходя из их статуса в освоенческом процессе и типа населения. Далее происходил отбор респондентов в соответствии с социальной структурой данного поселения. При этом критериями отбора были как традиционные пол и возраст, так и значимые для нашего исследования этническая принадлежность, северный стаж, стаж работы в вахтовом режиме.

Анализ результатов опроса фиксировался по четырем основным социальным группам северян: старожилы; из них отдельно представители коренных малочисленных народов, новоселы (прожившие на Севере менее 5 лет); вахтовики.

Опрос проходил также на рабочих местах — буровых установках, в учебных комбинатах, пунктах сбора вахтового персонала и на вертолетных площадках, а также в национальных поселках. В последнем случае для проведения опроса привлекались представители интеллигенции малочисленных северных этносов.

Сбор информации, как правило, основывался на самозаполнении анкет респондентами. Специфика Севера, связанная с мобильностью производства, неопределенностью ситуации из-за природно-климатических условий и т.д., затрудняла предварительное планирование и отбор респондентов. Поэтому обеспечение репрезентативности выборки требовало ее обязательных «ремонтов».

3. Результаты: три основных контура

В результате обобщения данных исследований выделяются три основных контура социальной трансформации в вышеуказанном дискурсе:

- специфики качества жизни и человеческого потенциала циркумполярного региона;
- особенностей социально-этнической структуры и межнациональных отношений;
- отличительных черт миграционных процессов и «приживаемости» населения.

Контур 1. Специфика качества жизни и человеческого потенциала циркумполярного региона.

Судя по индексу человеческого развития, ежегодно рассчитываемому по Программе развития ООН, Ямало-Ненецкий автономный округ, в течение последних двух десятилетий устойчиво занимающий одно из первых мест в Российской Федерации, достаточно благополучен [11].

Здесь наиболее высокие в стране показатели уровня ВВП и душевых доходов. Правда, при этом растет и имущественная дифференциация и неравномерность распределения этих доходов. Уровень социально-экономического неравенства в Арктическом регионе существенно выше, чем в среднем по стране. При этом стабильно более 10% населения имеют доход ниже прожиточного минимума. Это люди, которые не в состоянии удовлетворить

даже базовые потребности, абсолютно бедные. Однако имеются измерения и относительной бедности: невозможности поддерживать принятый в территориальном сообществе стандарт жизни, удовлетворять типичные для окружающих потребности. Нами этот показатель определялся как доля населения со среднедушевыми денежными доходами ниже 60% медианного дохода [4]. Для Ямало-Ненецкого округа он составлял в 2014 году 25,8, т.е. каждый четвертый житель этого богатого региона беден.

Судя по результатам проведенных нами массовых опросов, эта проблема представляется северянам наиболее значимой. При том, что, по данным госстатистики уровень жизни в Ямало-Ненецком округе значительно выше, чем в других регионах России, их жителей, как оказалось, волнуют те же проблемы, что и остальных россиян: бедность, безработица, низкое качество медицинского обслуживания и т.д. (табл. 1). Как и везде в России, люди озабочены ростом цен, тарифов и других расходов при снижении доходной части их бюджетов. При этом есть и особенность Арктического региона, отличающая в этом отношении его от других: северяне зарабатывают деньги здесь, а тратят в основном на других территориях: в местах отдыха, на родине, в городах, где учатся их дети.

При массовом опросе жителей Ямало-Ненецкого автономного округа, проведенного нами в 2015 году, была выявлена самооценка уровня жизни северян. При этом 16,3% респондентов ответили, что «на повседневные затраты им хватает, но покупка новой одежды уже затруднительна», 12,1% – «на повседневные расходы уходит, практически вся зарплата», 7% – «денег не хватает на повседневные расходы».

Вторая по значимости для респондентов проблема – безработица и вероятность потери имеющейся работы.

Показатели как зарегистрированной, так и фактической безработицы в северных поселениях незначительно отличаются от среднероссийских; в структуре безработных молодые люди в возрасте 18–29 лет составляют 34–37%, женщины – 72–75%, лица предпенсионного возраста – 10–12%. При этом следует учитывать, что официальная статистика недостаточно адекватно отражает реальную ситуацию в занятости северян. Особенно это касается автохтонного населения. Наши исследования выявили, что если, по данным статистики, среди аборигенов безработица около составляет 6%, то фактически она превышает 60%. Дело в том, что большинство из них просто не может встать на учет, т.к. не имеет необходимых для этого документов. офор-

Таблица 1. Наиболее значимые для населения Ямала социальные проблемы, % от числа опрошенных (можно было указать до трёх проблем)

Проблема	Годы проведения опроса		
	2005	2010	2015
Бедность, рост расходов	55	53	56
Безработица, возможность потери работы	53	49	50
Низкое качество медобслуживания	33	34	43
Отсутствие жилья, возможности улучшить жилищные условия, рост платы за жилье	41	42	41
Незащищенность от криминала, наркомания, коррупция	29	30	28
Ухудшение экологической ситуации	18	19	12

мить их можно лишь в окружном центре (Салехарде), но такая поездка людям не по карману.

В то же время значительная часть представителей коренных северных этносов, числящихся занятыми, фактически получают мизерную зарплату, т.к. одна ставка «чум-работницы» делится на несколько человек.

Третье место в списке наиболее социально значимых для ямальцев проблем занимает состояние их здоровья и неудовлетворенность медицинским обслуживанием.

Важность этой проблемы подтверждается как данными медицинской статистики, так и результатами проведенных нами массовых опросов северян. Так, причинами смертности в трудоспособном возрасте населения Ямало-Ненецкого автономного округа являются болезни органов системы кровообращения (21,2 случая на 10 тысяч человек), несчастные случаи, отравления и травмы (12,8 случая на 10 тысяч человек). Отравления некачественным алкоголем, передозировка наркотиков, суицид и убийства составляют почти половину причин смертности. При этом самооценка здоровья достаточно высока, особенно у мужчин (табл. 2).

Судя по последним данным, причинами ухудшения здоровья приехавших на Север людей являются географические и природно-климатические, социально-

психологические, экологические, в связи с антропогенной деятельностью, и другие факторы, а также их взаимодействие.

Так, при сочетании возмущений геомагнитного поля с гравитационными аномалиями резко возрастает число обострений сердечно-сосудистых заболеваний, главным образом гипертонических кризов, инфарктов миокарда, ошибок операторов [11].

Северные природные условия, влияющие на здоровье людей, приехавших сюда из других регионов, достаточно многообразны и еще окончательно не изучены. Это не только низкие температуры, но и отсутствие нормального светового дня, приводящее к сезонным депрессиям и бессоннице, высокая скорость ветра, перепады атмосферного давления, особенности воды и питания и др.

Причем при вахтовой организации труда все эти множественные воздействия на человеческий организм носят не постоянный, а дробный характер. Регулярные маятниковые перемещения с преодолением нескольких часовых поясов, смена климатических и социальных условий не позволяют установиться стабильным отношением человека с внешней средой, поэтому мобильная жизнь вахтовика в режиме «живу на юге, работаю на севере» сопровождается хроническим напряжением регуляторно-адаптационных систем организма.

Таблица 2. Самооценка здоровья жителями Ямала, % опрошенных

Проблема	Год проведения опроса		
	2005	2010	2015
Чувствую себя хорошо	38	40	38
Иногда болею	39	38	38
Часто болею	9	10	8
Хронически больной	8	8	10
Инвалид	2	3	1
Не знаю	4	1	5
Итого	100	100	100

При опросах северян мы выяснили и уровень их удовлетворенности медицинским обслуживанием в целом и по отдельным элементам. Эти показатели оказались хуже общероссийских, выявленных социологическими центрами Российской академии наук [29].

В *таблице 3* приведены ответы на вопрос нашей анкеты: «Что Вас не устраивает в системе медицинского обслуживания в Вашем поселении?» в динамике. При этом очевидных тенденций изменения ситуации по годам не выявлено.

При достаточно низком уровне удовлетворенности людей существующей системой здравоохранения идет сокращение государственных расходов на нее и уменьшение численности лечебных организаций. Так, за последние 15 лет их число на территории Ямало-Ненецкого автономного округа уменьшилось вдвое (48 больничных и 78 амбулаторно-поликлинических организаций в 2000 г. и, соответственно, 23 и 36 в 2015 г.).

Жилищная проблема, следующая далее в оценках северян, конечно, связана и с предыдущей, здоровьем людей, и представляется многим опрошенным нами ямальцам наиболее приоритетной из всех социальных проблем. Наиболее важной ее сочли жители таких городов, как Салехард, Лабытнанги и Муравленко, Губкинского, Пуровского и Тазовского районов, многие годы живущие в балках.

Эта проблема оказалась также тесно связанной с проблемой коррупции: все большее число респондентов отмечает, что для получения жилья или оформления на него юридического права, услуг по ремонту и эксплуатации жилья приходится давать взятки.

Поскольку каждый четвертый, занятый в экономике и социальной сфере, является вахтовиком, а в перспективе эта доля может еще более увеличиться, одним из направлений решения жилищной проблемы становится создание новых механизмов взаимодействия региональных и муниципальных структур власти территорий проживания (южные и центральные регионы России) и мест трудовой деятельности (циркумпольные территории). Отдельной проблемой является создание достаточных условий жизни в вахтовых поселках, дислоцированных вблизи месторождений. Специфика их в том, что, наряду с ограничением количества основных объектов социальной инфраструктуры, некоторые функции жизнеобеспечения должны быть в них расширены, например, в сфере питания и бытового обслуживания, обычно выполняемые семьей.

Следующей проблемой, волнующей северян, является незащищенность от криминала и коррупции. При этом, судя по данным статистики, криминогенная ситуация в регионе постоянно ухудшалась

Таблица 3. Недостатки системы здравоохранения в поселениях Ямало-Ненецкого автономного округа, % опрошенных (допускалось несколько причин неудовлетворенности)

Проблема	Год проведения опроса		
	2005	2010	2015
Большие очереди на прием к врачу	57	50	68
Не вижу эффекта от предложенного лечения	27	26	24
Выписанные лекарства отсутствуют в аптеке или очень дорогие	25	24	33
Скорая помощь приезжает слишком поздно	6	7	9
Меня удовлетворяет медицинское обслуживание	27	23	23
Не знаю	10	12	8

все последние годы и особенно обострилась в связи с экономическим кризисом. Наибольший прирост уровня преступности в Ямало-Ненецком автономном округе произошел в сфере незаконного оборота наркотиков и коррупции. При опросе 24% северян ответили, что хорошо знают места продажи, 11% – людей, распространяющих наркотики. 19% опрошенных сообщили, что неоднократно сталкивались с фактами вымогательства взяток.

Как показали наши исследования, социальные проблемы, волнующие северян, тесно взаимосвязаны, управленческие решения, направленные на решение одних из них, оказывают значимое влияние на другие [35]. Это касается и последней в перечне социальных проблем, особо выделенных респондентами, – ухудшения экологической ситуации на арктических территориях.

Известно, что в циркумполярном регионе, являющемся самой хрупкой экосистемой планеты, нужны специальные методы сохранения природной среды, отличные от применяемых на юге и в средней полосе. При этом необходимо учитывать и все взаимодействия нефтегазового кластера с окружающей средой, изменение гидросферы в результате загрязнения поверхностных и подземных вод нефтепродуктами и производственными стоками, изменения литосферы, связанные с загрязнением почвы, вытаяванием подземных льдов и проседанием рельефа, атмосферы – в связи с выбросами токсичных веществ, продуктов сгорания газа и конденсата в факелах и др. [18].

При этом экологическая ситуация, помимо влияния на здоровье живущих здесь людей и качество их жизнедеятельности, во многом определяет и условия традиционного хозяйствования абориген-

ного населения [28]. Проведенные нами опросы свидетельствуют, что более трети респондентов считают основной причиной напряженности между северными этносами и пришлым населением хищническое отношение приезжих к природе Севера. При этом особое значение для аборигенов приобретают захват и загрязнение земель, на которых осуществляется оленеводство, а также вынужденный вывод из рыболовства многочисленных северных водоемов и речек, загрязненных нефтепродуктами и химическими реагентами.

Контур 2. Особенности социально-этнической структуры и межнациональных отношений в циркумполярном регионе.

Новый этап «мобилизационного явления» особенно актуализирует вопросы межнациональных (межэтнических) отношений в циркумполярном региональном социуме. Исследования, проведенные в 2015 г. по проекту Российского научного фонда № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп)», показывают общие тенденции взаимной аккультурации основных этнических групп, старожильческого населения при некоторых конфликтных ситуациях с «новожилами» [22].

Ямал является многонациональным регионом с преобладанием русского населения. По данным переписи 2010 года, около 9% относились к коренным народам Севера (самые многочисленные из них – это ненцы и ханты). 61,7% указали национальность «русский», 9,7% – «украинец», 1,3% – «белорус». В общей сложности славянские группы составляют 71,4% населения. Еще 8% относят себя к народам Поволжья (татары, башкиры, чувашаи), до 6% – к народам Северного Кавказа и

Закавказья (самые многочисленные из них – это азербайджанцы, кумыки, ногайцы и чеченцы), 1% – к народам Средней Азии. В сравнении с данными переписей 1989 и 2002 гг. наблюдается сокращение доли славянской группы с 79 до 74% в 2002 году и до 71,4% в 2010-м (в основном за счет сокращения числа указавших национальную принадлежность к «украинцам» и «белорусам»). Доли народов Поволжья остаются прежними. На 2% выросла доля коренных народов Севера. Полных данных о численности проживающих на территории Ямала представителей народов Средней Азии и Кавказа, отраженных в предыдущих переписях, в распоряжении исследователей нет, однако доли самых многочисленных представителей этой группы увеличились в 1,5–2 раза [22]. Большинство людей являются жителями Ямала в первом поколении. Во время переписи 2010 года только 28% опрошенных проживали на территории автономного округа с рождения. Важно учитывать, что освоение газонефтедобывающих территорий Ямала изначально было интернациональным. Очевидно, таким оно представляется и в перспективном плане. Хотя, как уже было отмечено, в этом процессе вопросы взаимодействия собственно коренного населения, которым являются группы народов Севера, расселенное преимущественно в сельской местности или на межселенной территории (кочевое население), и представителей других национально-этнических групп являются предметом для отдельного анализа.

Столь же серьезного внимания заслуживают этнические группы инотерриториального происхождения, которые образуют на Ямале своеобразные диаспорно-земляческие сообщества. К ним можно отнести группы, «материнской» территорией исхода которых являются

другие регионы России (этнические землячества северокавказских и поволжских групп) или зарубежные страны (диаспорные группы из Украины, Беларуси, Закавказья, Средней (Центральной) Азии и т.п.). Конечно, это достаточно условная маркировка, к тому же необходимо учитывать, что первые переселенцы из этих ныне зарубежных стран приехали на Ямал еще в условиях единого советского государственного пространства. Но в настоящее время такая дифференциация является оправданной, во всяком случае, по государственным основаниям.

Социогеоинформационное моделирование, примененное в вышеуказанном проекте РНФ (выполненное ЗАО «Интелгеотех» под руководством С.В. Иванова), дает наглядное представление о структуре общностей диаспорно-земляческого типа в разрезе муниципальных образований Ямала [22].

Представленные на *рис. 1* круговые диаграммы иллюстрируют общую картину по диаспорным и земляческим группам в каждом муниципальном образовании. При этом размер сектора круговой диаграммы для той или иной группы показывает, какую долю она занимает в общей численности всех выделенных по вышеуказанным основаниям 10 групп.

В этом контуре весьма важным представляется анализ соотношения имеющих работу и не имеющих ее из этих сообществ (*рис. 2*).

Круговые диаграммы иллюстрируют общую картину работающих представителей диаспорных и земляческих групп для каждого муниципального образования. Размер сектора диаграммы соответствует доле работающих представителей конкретной диаспорной или земляческой группы в общей численности работающих по всем десяти группам.

Рисунок 1. Распределение этнических групп диаспорно-земляческого характера на территории Ямала (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

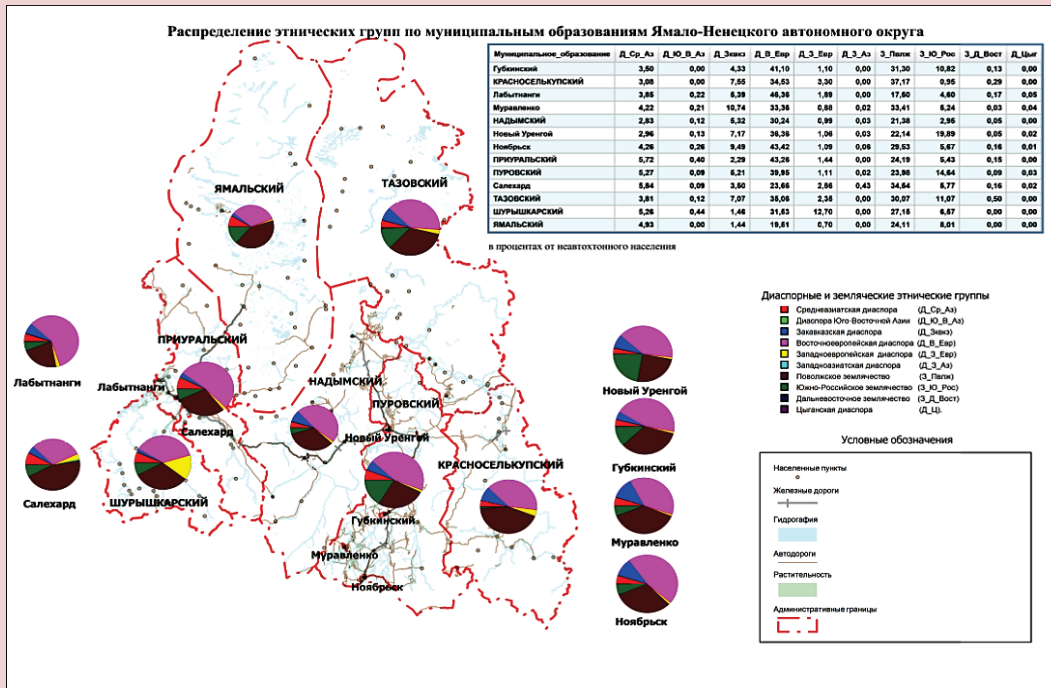
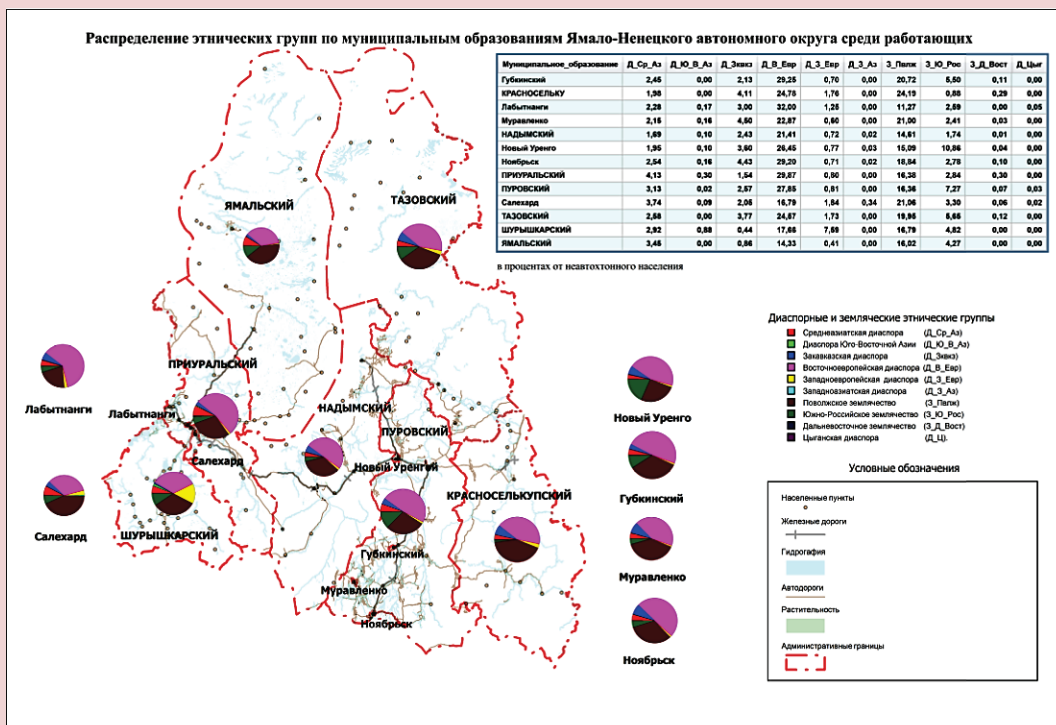

Рисунок 2. Распределение этнических групп по признаку «имеющие работу» в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

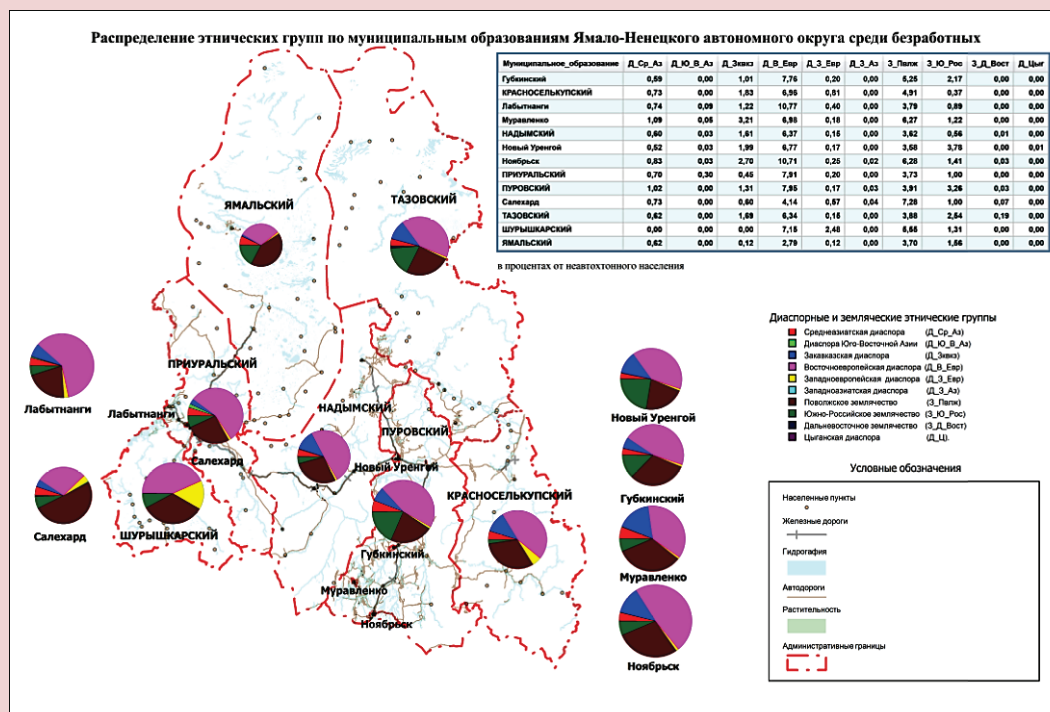
Соответственно диаграммы на рис. 3 иллюстрируют общую картину по неработающим представителям диаспорных и земляческих групп для каждого муниципального образования. Размер сектора диаграммы соответствует доле неработающих представителей конкретной диаспорной этнической группы в общей численности неработающих всех десяти групп.

Визуальное изучение этой карты и её сопоставление с рис. 1 и 2 показало практически полное совпадение конфигураций круговых диаграмм на всех картах, что говорит о сохранении долевых соотношений как среди работающих, так и среди неработающих представителей диаспор и землячеств в муниципальных образованиях ЯНАО. Анализ этих соотношений, которые можно пролонгиро-

вать и к настоящему времени, показывает необходимость выявления особенностей как работающих, так и особенно неработающих представителей диаспорно-земляческих групп с позиций человеческого потенциала, а также бюджетной нагрузки региона.

Что касается межэтнических отношений, связанных с диаспорно-земляческими группами, то, наряду с общими позитивными оценками, эти отношения проблематизируются по отдельным негативным моментам. Так, анализ мнений участников 18 фокус-групп, проведенных в 2013 г. в городах Губкинский и Муравленко с представителями этноконфессиональных групп по проблемам межнационального и межконфессионального взаимодействия под эгидой Департамента

Рисунок 3. Распределение этнических групп по признаку «не имеющие работу» в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

внутренней политики ЯНАО, дал возможность выявить основное содержание высказанного недовольства:

1) по нарушению баланса, изменению привычной среды (часто встречается слово «засилье», говорится о численном перевесе, изменении привычной городской среды, распространении иной культуры, несбалансированности в отношениях (пока «они» навязывают, «мы» не сопротивляемся));

2) соприкосновению слишком различных культур, традиционной и модернизированной, что приводит к непониманию и конфликтности;

3) вызывающему поведению, отсутствию уважения, надменности, агрессии, формированию группировок более сплоченной северокавказской молодежи, притеснению местных молодых людей;

4) посягательству на блага, принадлежащие местному населению (рабочие места, жилье, социальная инфраструктура – детские сады, поликлиники), отсутствию значимого вклада в экономику города, навыков и желания работать, низкой оценке деловых качеств [22].

В основном проблема в глазах жителей состоит в дискомфорте повседневного общения, ощущении «захвата» публичного пространства и потере предсказуемости. Высказывания на эту тему концентрируются на молодых мужчинах, выходцах с Кавказа последних миграционных волн. Их манера поведения в публичных местах доставляет дискомфорт, происходит своеобразное нарушение общественного консенсуса, в местах отдыха молодежи создается атмосфера конкуренции и конфликта. Попытки себя позиционировать в публичном пространстве (например, исполнение лезгинки на площади, громкие празднования с автопробегам и т.п.) создают впечатление вызова. Заметность

этой категории накладывает отпечаток на восприятие всей национальной группы.

Из материалов вышеуказанных фокус-групп с представителями народов Северного Кавказа можно сделать заключение, что молодежь последних волн миграции социализирована в иных условиях, является носителем иного социального опыта и поведенческих моделей, нежели старшее поколение, прожившее, к тому же, многие годы в регионе с преимущественно русским населением. Старшее поколение и интегрированные в местный социум представители общин также дистанцируются от мигрантов последних волн, указывают на них как на проблему их этнических сообществ и на отсутствие рычагов контроля за их поведением, подчеркивают, что их поступки не имеют ничего общего с традиционной культурой [22].

Контур 3. Миграционные процессы и «приживаемость» населения в циркумполярном регионе.

Территория Ямала, как достаточно благополучного в социально-экономическом отношении региона, обладающего весьма развитой социальной инфраструктурой, является, несмотря на субарктический и арктический климат, достаточно привлекательной для мигрантов (в 2012–2014 гг. на Ямал ежегодно приезжало свыше 44 тысяч мигрантов, выезжало 45–52 тысячи [9], то есть менялось порядка 8–10% численности населения автономного округа).

Миграция населения, включая внутрирегиональную (в пределах Тюменской области), в 2010–2014 гг. в расчете на 1000 человек населения на Ямале в 1,5–2 раза выше, чем в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре или в южных районах Тюменской области. Однако интенсивный миграционный приток сопровождается столь же и даже более

интенсивной миграционной убылью, в результате сальдо миграционного обмена в эти годы в целом отрицательное, хотя и небольшое по абсолютной величине (порядка 5–8 тысяч человек). При этом наблюдается положительное и достаточно значительное сальдо обмена населением с государствами – членами СНГ, прежде всего с Украиной и Узбекистаном. Что касается миграционного обмена Ямала с российскими регионами, то более активным он является с другими регионами Западной Сибири и Урала (с южными районами Тюменской области), Республикой Башкортостан, Свердловской и Омской областями, а также – Северного Кавказа (Республика Дагестан, Чеченская и Кабардино-Балкарская республики).

В исследованиях ямальских социологов выявлены основные обстоятельства, вызывающие необходимость смены места

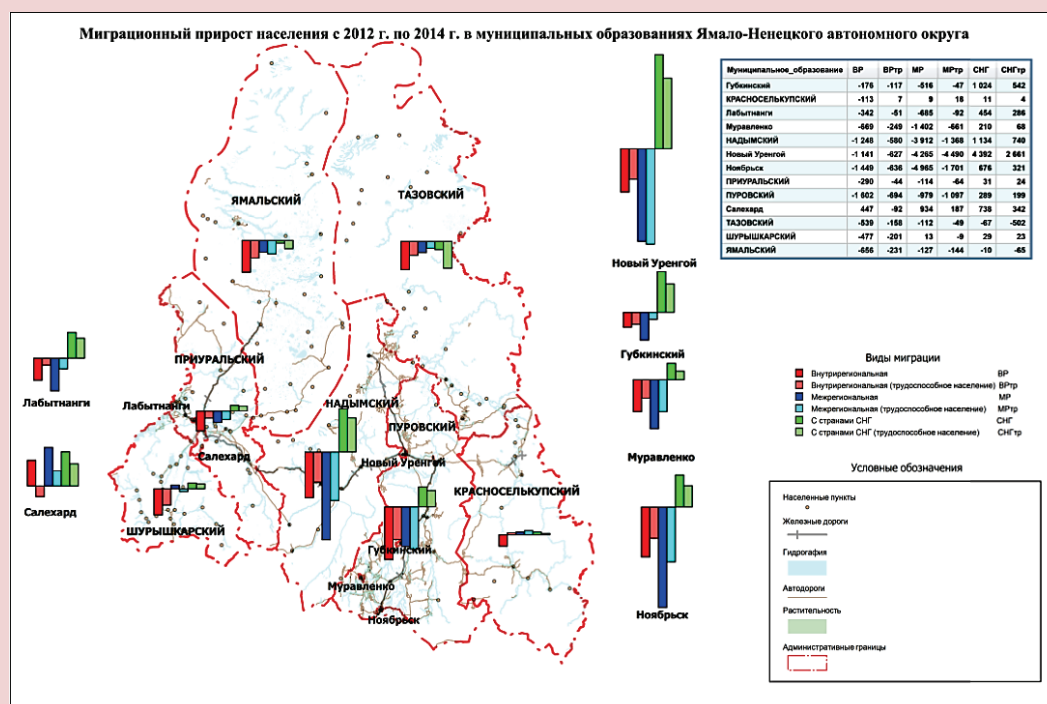
жительства. По их данным, большинство прибывших в округ рассчитывали на получение работы (от 43 до 68% в отдельные годы рассматриваемого периода), к тому же акцентированы личные, семейные обстоятельства (от 22 до 42%).

Весьма интересным является то, что и выезжавшие указывали на эти же причины (от 10 до 46% – на получение работы, от 32 до 56% – на личные, семейные обстоятельства). На экологическое неблагополучие как на причину выезда указывали всего 0,1–0,2% выезжающих, на несоответствие природно-климатическим условиям – 0,5–1,2% [22].

Таким образом, миграционные потоки являются заметным фактором социально-пространственной трансформации территории Ямала.

В диаграммах социогеоинформационной карты (рис. 4) выведены значения

Рисунок 4. Миграционный прирост населения в 2012–2014 гг. в муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО (по данным миграционной статистики)

суммарного годового прироста всего населения в муниципальных образованиях с 2012 по 2014 г. из-за внутрирегиональной (красный цвет) и межрегиональной (синий цвет) миграции, а также миграции со странами СНГ (зелёный цвет). Светлым тоном выделен миграционный прирост населения трудоспособного возраста.

Из данных рисунка видно, что во всех муниципальных образованиях (за исключением Салехарда) отмечен больший или меньший отток населения в другие районы региона и другие субъекты РФ. В то же время повсеместно, за исключением северных районов Ямала, наблюдается рост числа мигрантов, преимущественно трудоспособного возраста, из стран СНГ. Наибольшие абсолютные значения миграционных показателей демонстрирует Новый Уренгой, наименьшие – Красноселькупский муниципальный район [22].

В ежегодном мониторинговом опросе, проводимом Центром изучения Арктики при поддержке Правительства ЯНАО (маршрутный опрос, районированная трехступенчатая выборка, квотированная по полу и возрасту, N=3140), в рейтинг наиболее острых, беспокоящих население округа проблем, связанных с доходами и расходами, жилищно-коммунальными услугами, рынком труда и городским хозяйством, также вошла проблема миграции в регион выходцев из других регионов. Она особенно акцентируется в городских муниципальных образованиях. Наиболее высокие строчки в рейтинге она занимает в Новом Уренгое – самом крупном и экономически благополучном городе ЯНАО. Чаще отмечается в молодежных возрастных группах [22].

Вместе с тем материалы другого исследования ямальских социологов, проведенного среди городского населения

округа, свидетельствуют о достаточно высокой закрепляемости горожан Ямала, их «приживаемости» на циркумполярной территории, несмотря на природно-климатические условия [15].

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что свою жизнедеятельность большинство городского населения Ямала связывает прежде всего с профессиональной деятельностью, которая дает возможность получения материальных благ и обеспечения своего будущего при переезде в другой, более благоприятный климатический регион. Напрашивается и другой вывод – о необходимости дальнейшего развития социальной инфраструктуры и обеспечения высокого качества жизни для длительного периода трудовой деятельности в условиях Крайнего Севера, что не только не исключает, но и предполагает оптимизацию условий для вахтовой формы труда и быта привлекаемых работников.

В этих контурах социальной трансформации важнейшее значение имеют также условия, уровень и качество жизни коренных малочисленных народов Ямала и их взаимоотношения с укоренившимися и новыми группами неоиндустриального освоения края.

4. Обсуждение

Полученная в результате наших и других исследователей [3; 15; 28; 30; и др.] эмпирическая информация и ее анализ требуют, на наш взгляд, значимого усиления внимания к научному сопровождению процесса освоения Арктического региона, условиям жизнедеятельности человека на Крайнем Севере. В первую очередь, необходимы фундаментальные междисциплинарные исследования качества жизни участников освоения и проживающих здесь северных этносов, здоровья и последствий для потомства приехавших

сюда на постоянное жительство и работающих в вахтовом режиме, безопасности жизни и сохранения хрупких биогеоценозов Севера.

Полагаем, что первоочередное внимание при этом должно быть уделено физиологическим, медико-биологическим и экологическим аспектам сохранения здоровья людей, приехавших в Арктику из других регионов. Этот исследовательский блок должен включать и обоснование наиболее приемлемых режимов труда и отдыха для вахтового персонала. При этом выбор оптимального для конкретных условий РТО требует одновременно изучения и учета не только медико-биологических, но и экономических, правовых, психологических и социальных факторов, что представляет достаточно сложную методологическую проблему и вызывает необходимость разработки соответствующего комплексного инструментария [2].

Другим, не менее важным предметом междисциплинарного научного изучения является социальная ситуация, связанная с жизнедеятельностью малочисленных северных этносов. Этой проблеме уделяется совершенно недостаточное в сопоставлении с ее важностью внимание. Пока известны лишь некоторые этнологические исследования [32].

Очевидна необходимость серьезных фундаментальных исследований качества жизни арктических аборигенов социологами, правоведами, экономистами, антропологами, биологами и др.

Научное сопровождение устойчивого развития арктических территорий требует своевременного выявления и декомпозиции возникающих проблем и возможных технологий их решения при разных сценариях изменения внешней среды. Считаем необходимым привлечь внимание к этим вопросам не только научного сообщества,

но и гражданского общества, властных структур северных стран и бизнеса, заинтересованного в освоении арктических регионов.

5. Заключение

Представленные результаты многолетних социологических исследований на территории Арктического нефтегазового региона России позволили выявить наиболее значимые для проживающих здесь людей социальные проблемы. По сути они те же, что и для населения других регионов: бедность, безработица, неудовлетворенность жильем и медобслуживанием, незащищенность от криминала и ухудшающейся экологической ситуации. Однако конкретное наполнение и возможности решения этих проблем на Крайнем Севере имеют значимые специфические особенности, которые необходимо учитывать при подготовке и принятии как стратегических, так и текущих управленческих решений.

Начавшееся новое масштабное освоение ресурсов Ямала, шельфа северных морей и других циркумполярных территорий, требуют серьезного научного сопровождения, проведения междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований уже выявленных и еще латентных социальных проблем, опираясь на системную методологию. Авторы призывают усилить внимание к научному обеспечению подготовки и выявления социальных последствий решений, связанных с арктическим регионом, которые сегодня принимаются органами власти и менеджментом нефтегазовых компаний без достаточных исследований и обоснований.

6. Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за финансовую поддержку проведенных для подготовки

данного материала социологических исследований (проект № 15-03-00367а), а также сотрудникам Научного центра изучения Арктики (г. Салехард) и Прави-

тельству ЯНАО за ценные консультации и замечания при обсуждении этого материала и помощь в получении необходимой эмпирической информации.

Литература

1. Агранат, Г.А. Жаркие проблемы Севера / Г.А. Агранат // Эко. – 2004. – №1. – С. 21-35.
2. Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера / О.П. Андреев и др. – М.: Недра-Бизнесцентр, 2009. – 175с.
3. Белоножко, М.Л. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского Севера / М.Л. Белоножко, Н.И. Крысин // СОЦИС. – 2007. – №7. – С. 87-91.
4. Бобков, В.Н. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов / В.Н. Бобков, А.А. Чулюгина // Экономика региона. – 2012. – №2. – С. 170-178.
5. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
6. Веселин, Р.А. Инвестиционные проекты как новый этап освоения и развития Арктики / Р.А. Веселин, А.А. Левинова // Горные ведомости. – 2012. – № 8(99). – С. 58-66.
7. Волосникова, Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей / Е.А. Волосникова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. – 244 с.
8. Горшков, М.К. Прикладная социология: методология и методы / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ИС РАН, 2012. – 404 с.
9. Демографический ежегодник (2011–2015): стат. сб. в 3-х частях. – Ч. 2. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2015. – 348 с.
10. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы) / Д.А. Додин. – СПб.: Наука, 2005. – 383 с.
11. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 год / ООО «РА Ильф», 2013. – 202с.
12. Доршакова, Н.В. Особенности патологии жителей Севера / Н.В. Доршакова, Т.А. Карапетян // Экология человека. – 2004. – №6. – С. 48-52.
13. Дрегало, А.А. Социокультурные типы северного человека / А.А. Дрегало // Социология в системе научного управления обществом. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 1453-1454.
14. Карпов, В.П. Новая индустриализация Тюменского Севера: возможности и риски / В.П. Карпов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – №1. – С. 83-88.
15. Кибенко, В.А. Теоретико-методологические аспекты исследования региональной идентичности населения Ямало-Ненецкого автономного округа / В.А. Кибенко // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2014. – №3(83). – С. 48-51.
16. Колесников, Р.А. Инновационное развитие и риски нефтегазодобычи в России / Р.А. Колесников // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2015. – №3(88). – С. 38-46.
17. Конев, Ю.М. Роль науки в разработке региональной политики сбалансированного развития Севера / Ю.М. Конев // Материалы II Международной конференции «Роль Приполярных университетов в развитии северных территорий». – Тюмень-Лэйкхед: Лэйкхедский университет, 1992. – С. 13-15.
18. Куперштох, Н.А. Проблемы природопользования и охраны окружающей среды в программе «Сибирь» / Н.А. Куперштох // Проблемы территориальной организации природы и общества. – Иркутск: СО РАН, 2012. – С. 200-204.
19. Курамин, В.П. Тюменский «Госплан Союза ССР» / В.П. Курамин. – М.: Союздизайн, 2011. – 416 с.
20. Лаженцев, В.Н. Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1 (43). – С. 83.

21. Левашов, В.К. Устойчивое развитие общества: парадигмы, модели, стратегии / В.К. Левашов. – М.: Академия, 2001. – 350 с.
22. Макушева, М.О. Проблематизация отношений основного и инокультурного населения в Ямало-Ненецком автономном округе / М.О. Макушева, В.А. Юдашкин // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. стат. / колл. авт.; под ред. чл.-корр. РАН, проф. А.В. Дмитриева. – М.: РУСАЙНС, 2016. – 226. – С. 127-139.
23. Маркин, В.В. Региональная социология и управление: дорожная карта взаимодействия / В.В. Маркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №5(35). – С. 135-142.
24. Пилясов, А.Н. Арктическое средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона / А.Н. Пилясов // ЭКО. – 2010. – №12. – С. 15-54.
25. Российский Север: модернизация и развитие. – М.: Центр стратегического партнерства, 2012. – 200 с.
26. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений: монография / колл. авторов; под науч. аук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н, проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 93-120.
27. Север и Арктика в пространственном развитии России. – М.; Апатиты; Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010. – 213 с.
28. Сморчкова, В.П. Развитие традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера в современных условиях / В.П. Сморчкова, А.В. Мажаров. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 136 с.
29. Тенденции и проблемы развития территорий: научные труды 2011–2015 гг. : в 6 т. / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015.
30. Ткачева, Н.А. Трансформация миграционных процессов на Тюменском Севере / Н.А. Ткачева. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 140 с.
31. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2016. – 664 с.
32. Цымбалистенко, Н.В. Популярная этнология для государственных служащих, мигрантов и вахтовиков ЯНАО / Н.В. Цымбалистенко, В.Г. Паршуков. – СПб.: Литературный город, 2015. – 160 с.
33. Buscherm Urry J. Mobil Methods and the empirical // *European Journal of Social Thory* 12(1). – Pp. 99-116.
34. Saxinger, G., Ofner, E., Shakirova, E. Ich bin bereit – Die nachste Generation mobiler Fachkrafte in der russischen Erdgas – and Erdolindustrie // *Austrian Studies in Social Anthropology*, 2014, 2, pp. 1-24.
35. Silin, A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: Sociological Analysis of Change // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. Vol. 6, No 3, s.5. – Pp.199-206.
36. Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for community sustainability. *Sustainability*, 2010, no. 12, pp. 1161–1181.
37. Weichhart P. Multilokalität – Konzepte, Theoriebezüge und Forschungsfragen. *Informationen zur Rauman Twicklung*, 2009, no. 1 (20), pp.1–14.
38. Tsibulsky V.R. On strategy of sustainable development of the North. *Materialy 11 Mezhdunarodnoi konferentsii “Okruzhayushchaya sreda i ekologiya Sibiri, Dal’nego Vostoka i Arktiki”* [], volume 2. Tomsk: SO RAN, 2003. P. 241.
39. Silin A.N. Russian North: change of Social Situation. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 16 (2), pp. 150–155.
40. Belonozhko M.L., Silin A.N. Environmental Situation and Conditions for Traditional Lifestyles of Indigenous Communities in the West Siberian North. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2014, no. 21(6), pp. 905–911.
41. Novoselov O., Silin A.N. Regulation of social processes in the circumpolar region. *Arctic dialogue in the global world*, Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015, pp. 140–142.

42. Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of Human Resources in the process of circumpolar Region Development. *International Journal of Economic and Financial Issues*, 2015, no. 5, pp. 121–127.
43. Silin A.N. Sociological Aspects of Rational Employment in the Northern Territories of Western Siberia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2015, no. 4(40), pp. 109–123.
44. Silin A.N. Experience of sociological of shift-based method in the North of Tyumen region. *Contemporary issues in long-distance commute work in the extractive industries and other sectors*. Wien: University of Vienna, 2013, p. 65.

Сведения об авторах

Валерий Васильевич Маркин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, markin@isras.ru)

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, главный научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Института социологии РАН (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, sm-2004@rambler.ru)

Markin V.V., Silin A.N.

Circumpolar Region amid Socio-Spatial Transformation of a Territory (Case Study of Yamal)

Abstract. The article examines the issues of socio-spatial transformation of the Northern territory associated with the development of one of the most important far-reaching oil and gas region of Russian arctic regions. The authors demonstrate the possible solutions to these issues based on interdisciplinary and sociological studies conducted by the authors and their colleagues, including mass surveys of the population of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug by representative sample in 2005, 2010 and 2015 and sociological diagnostics of their results in the context of different social groups of respondents (long-term residents, including representatives of native minorities, new settlers, shift personnel). These studies have helped reveal the social issues characteristic of the Arctic region and requirements to scientific support of possible their possible solutions. The authors provide the authorities with the information necessary for the preparation and adoption of effective managerial decisions in the theoretical, methodological and practical discourse; such information cannot be obtained otherwise, for example, using the statistics. This thesis is illustrated by the current situation of indigenous minorities of the North, other population groups, the development of Yamal social potential, qualified personnel retention and recruiting. Studying the Northern specificity of the quality of life of the Russian circumpolar oil- and gas-rich region, the living conditions and relations between various social groups of participants of future neo-industrial territory's development suggests a conclusion about the need to significantly strengthen the sociological and interdisciplinary scientific support for the proposed Arctic projects and introduce a new methodological approach to the selection of the most relevant research subjects.

Key words: The Arctic, territory development, circumpolar region, socio-spatial transformations, social issues, sociological studies, social groups, health of the northerners, shift method.

References

1. Agranat G.A. Zharkie problemy Severa [Hot issues of the North]. *EKO*, 2004, no. 1, pp. 21–35. (In Russian)
2. Andreev O.P. et al. *Sistema menedzhmenta vakhtovogo metoda raboty predpriyatiya v usloviyakh Krainego Severa* [System of management of the shift method of enterprise]. Moscow: Nedra-Biznestsentr, 2009. 175 p. (In Russian)
3. Belonozhko M.L., Krysin N.I. *Spetsifika upravleniya monopofil'nymi gorodami Tyumenskogo Severa* [Single-industry cities management specificity in the north of Tyumen]. *SOTsIS* [Sociological studies], 2007, no. 4, pp. 87–91. (In Russian)
4. Bobkov V.N., Chulyugina A.A. Neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya regionov [The inequality of the quality and standards of life of the population of the regions]. *Ekonomika regiona* [Regional economics], 2012, no. 2, pp. 170–178. (In Russian)
5. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Social space sociology]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 2007. 288 p. (In Russian)
6. Veselin R.A., Levinova A.A. Investitsionnye proekty kak novyi etap osvoeniya i razvitiya Arktiki [Investment projects as a new stage of the development of the Arctic]. *Gornye vedomosti* [Mining journal], 2012, no. 8(99), pp. 58–66. (In Russian)
7. Volosnikova E.A. *Severnyi gorod: zhiznedeyatel'nost' sotsial'nykh obshchestv* [Northern city: activity of social communities]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2010. 244 p. (In Russian)
8. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody* [Applied sociology: methodology and techniques]. Moscow: IS RAN, 2012. 404 p. (In Russian)
9. *Demograficheskiy ezhegodnik (2011–2015): stat. sb. v 3-kh chastyakh. Ch. 2. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Tyumenskoi oblasti* [Yearbook on Demography (2011–2015): statistical compilation in 3 parts. Part 2. Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Tumen Oblast], 2015. 348 p. (In Russian)
10. Dodin D.A. *Ustoichivoe razvitie Arktiki (problemy i perspektivy)* [Sustainable development of the Arctic (issues and prospects)]. Saint Petersburg: Nauka, 2005. 383 p. (In Russian)
11. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiiskoi Federatsii za 2013 god [Report on human development in the Russian Federation for 2013]. *OOO "RA Ilf"* [RA Ilf LLC], 2013. 202 p. (In Russian)
12. Dorshakova N.V., Karapetyan T.A. Osobennosti patologii zhitelei Severa [Specific pathologies of the Northerners]. *Ekologiya cheloveka* [Human ecology], 2004, no. 6, pp. 48–52. (In Russian)
13. Dregalo A.A. Sotsiokul'turnye tipy severnogo cheloveka [Socio-cultural types on the Northern people]. *Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom* [Sociology in the system of scientific governance of society]. Moscow: IS RAN, 2012. Pp. 1453–1454. (In Russian)
14. Karpov V.P. Novaya industrializatsiya Tyumenskogo Severa: vozmozhnosti i riski [Neo-industrialization of the north of Tumen: possibilities and risks]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Russia], 2015, no. 1, pp. 83–88. (In Russian)
15. Kibenko V.A. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya regional'noi identichnosti naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Theoretical and methodological aspects of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug population]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Scientific bulleting of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug], 2014, no. 3(83), pp. 48–51. (In Russian)
16. Kolesnikov R.A. Innovatsionnoe razvitie i riski neftegazodobychi v Rossii [Innovative development and risks of oil and gas extraction in Russia]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Scientific bulleting of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug], 2015, no. 3(88), pp. 38–46. (In Russian)
17. Konev Yu.M. Rol' nauki v razrabotke regional'noi politiki sbalansirovannogo razvitiya Severa [The role of science in the development of the regional policy of balanced development of the North]. *Materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii "Rol' Pripolyarnykh universitetov v razvitiu severnykh territorii"* [Proceedings of the 2nd International Conference "The role of circumpolar universities in the development of northern territories"]. Tyumen'-Leikkhed: Leikkhedskii universitet, 1992. Pp. 13–15. (In Russian)

18. Kupershtokh N.A. Problemy prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchei sredy v programme "Sibir" [Issues of environmental resource management in the "Siberia" program]. *Problemy territorial'noi organizatsii prirody i obshchestva* [Issues of territorial nature and society organization]. Irkutsk: SO RAN, 2012. P. 200–204. (In Russian)
19. Kuramin V.P. *Tyumenskii "Gosplan Soyuza SSR"* [Tumen "Gosplan"]. Moscow: Soyuzdizain, 2011. 416 p. (In Russian)
20. Lazhentsev V.N. Geosistemnyi podkhod k problemam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Severa Rossii [The geosystem approach to the problems of social and economic development of regions of the North of Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1 (43), p. 83. (In Russian)
21. Levashov V.K. *Ustoichivoe razvitie obshchestva: paradigmy, modeli, strategii* [Sustainable development of society: paradigms, models, strategies]. Moscow: Akademiya, 2001. 350 p. (In Russian)
22. Makusheva M.O., Yudashkin V.A., Dmitriev A.V. (Ed.) Problematizatsiya otnoshenii osnovnogo i inokul'turnogo naseleniya v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Problems in the relationship between general population and the population of another culture in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya: sb. stat.* [Diasporas and communities: experience of regional assessment: collection of articles]. Moscow: RUSAINS, 2016. Pp. 127–139. (In Russian)
23. Markin V.V. Regional'naya sotsiologiya i upravlenie: dorozhnaya karta vzaimodeistviya [Regional sociology and management: a "roadmap" for interaction]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 5(35), pp. 135–142. (In Russian)
24. Pilyasov A.N. Arkticheskoe sredizemnomor'e: predposylki formirovaniya novogo makroregiona [Arctic Mediterranean: prerequisites for the formation of a new macro-region]. *EKO*, 2010, no. 12, pp. 15–54. (In Russian)
25. *Rossiiskii Sever: modernizatsiya i razvitie* [The Russian North: modernization and development]. Moscow: Tsentri strategicheskogo partnerstva, 2012. 200 p. (In Russian)
26. Gorshkov M.K., Ilyin V.A. (Eds.). *Rossiiskoe obshchestvo: transformatsii v regional'nom diskurse (itogi 20-letnikh izmerenii): monografiya* [Russian society: transformations in the regional discourse (results of 20-year measurements)]. Vologda: ISERT RAN, 2015. Pp. 93–120. (In Russian)
27. *Sever i Arktika v prostranstvennom razviti Rossii* [The North and the Arctic in Russian spatial development]. Moscow: Apatity-Syktuykar: Izd-vo KNTs RAN, 2010. 213 p. (In Russian)
28. Smorchkova V.P., Mazharov A.V. Razvitie traditsionnogo khozyaistvovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa v sovremennykh usloviyakh [Development of traditional economy of Northern indigenous minorities in today's environment]. Moscow: Izd-vo RAGS, 2007. 136 p. (In Russian)
29. Ilyin V.A. et al. *Tendentsii i problemy razvitiya territorii: nauchnye trudy 2011–2015 gg* [Trends and issues of territory's development: scientific works of 2011–2015]. Vologda: ISERT RAN, 2015. (In Russian)
30. Tkacheva N.A. *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na Tyumenskom Severe* [Transformation of migration processes in the North of Tumen]. Tyumen': Vektor Buk, 2010. 140 p. (In Russian)
31. *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* [Fundamental issues of Russia's spatial development: interdisciplinary synthesis]. Moscow: Media-Press, 2016. 664 p. (In Russian)
32. Tsybalistenko N.V., Parshukov V.G. *Populyarnaya etnologiya dlya gosudarstvennykh sluzhashchikh, migrantov i vakhtovikov YaNAO* [Popular ethnology for state employees, immigrants and shift workers in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Saint Petersburg: Literaturnyi gorod, 2015. 160 p. (In Russian)
33. Buscherm Urry J. Mobil Methods and the empirical. *European Journal of Social Theory*, no. 12(1), pp. 99–116.
34. Saxinger G., Ofner E., Shakirova E. Ich bin bereit – Die nachste Generation mobiler Fachkrafte in der russischen Erdgas – and Erdolindustrie. *Austrian Studies in Social Anthropology*, 2014, no. 2, pp. 1–24.
35. Silin A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: Sociological Analysis of Change. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, volume 6, no. 3, pp.199–206.
36. Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for community sustainability. *Sustainability*, 2010, no. 12, pp. 1161–1181.

37. Weichhart P. Multilokalität – Konzepte, Theoriebezüge und Forschungsfragen. *Informationen zur Raumanwicklung*, 2009, no. 1 (20), pp.1–14.
38. Tsibulsky V.R. On strategy of sustainable development of the North. *Materialy 11 Mezhdunarodnoi konferentsii "Okruzhayushchaya sreda i ekologiya Sibiri, Dal'nego Vostoka i Arktiki"* [], volume 2. Tomsk: SO RAN, 2003. P. 241.
39. Silin A.N. Russian North: change of Social Situation. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 16 (2), pp. 150–155.
40. Belonozhko M.L., Silin A.N. Environmental Situation and Conditions for Traditional Lifestyles of Indigenous Communities in the West Siberian North. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2014, no. 21(6), pp. 905–911.
41. Novoselov O., Silin A.N. Regulation of social processes in the circumpolar region. *Arctic dialogue in the global world*, Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015, pp.140–142.
42. Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of Human Resources in the process of circumpolar Region Development. *International Journal of Economic and Financial Issues*, 2015, no. 5, pp. 121–127.
43. Silin A.N. Sociological Aspects of Rational Employment in the Northern Territories of Western Siberia. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2015, no. 4(40), pp. 109-123.
44. Silin A.N. Experience of sociological of shift-based method in the North of Tyumen region. *Contemporary issues in long-distance commute work in the extractive industries and other sectors*. Wien: University of Vienna, 2013, p. 65.

Information about the Authors

Valerii Vasil'evich Markin – Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Associate. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 24/35, Krzhizhanovsky Street, Building 5, Moscow, 117218, Russian Federation. markin@isras.ru

Anatolii Nikolaevich Silin – Doctor of Sociology, Professor. Tyumen Industrial University. Chief Research Associate at the West Siberian Affiliation of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation. sm-2004@rambler.ru

Статья поступила 28.09.2016.